

А Фелиси-то здесь!

ГЛАВА 1

Похороны Деревянной Ноги

Это была совершенно необыкновенная секунда. Так бывает со снами: те, что кажутся нам потом самыми долгими, мелькают быстрее быстрого. Даже много лет спустя Мегрэ мог бы точно указать место, где это происходило: кусок тротуара, на котором он стоял, тесаный камень, куда падала его тень. Он мог бы восстановить в памяти не только мельчайшие детали окружающего, но даже снова ощутить весенний запах, почувствовать дрожание воздуха, так наминавшие ему детство.

Впервые в этом году он вышел из дома без пальто, впервые в десять утра оказался в деревне. Даже от его большой трубки пахло весной. Мегрэ тяжело ступал, засунув руки в карманы, и Фелиси, которая шла рядом, немного его обгоняя, приходилось делать два торопливых шага, пока он делал один.

Они проходили вдоль фасада нового дома из розового кирпича. В витрине лавки лежали какие-то овощи, несколько головок сыра и кровяная колбаса на фаянсовом блюде.

Фелиси прошла вперед, толкнула рукой застекленную дверь, и тут-то, видимо, все и произошло из-за звонка, который прозвенел совсем неожиданно.

Звонок в лавке раздался необычный. За дверью висели легкие металлические трубки, и, когда ее открывали, трубки, сталкиваясь, ударялись одна о другую, и слышался нежный музыкальный перезвон.

Давным-давно, когда Мегрэ еще был мальчишкой, у него в деревне, в лавке колбасника, при входе раздавался точно такой же перезвон.

Вот почему в ту секунду время для комиссара словно остановилось. Мегрэ буквально перенесся в иную обстановку, будто это совсем не он, толстый комиссар, которого Фелиси тащила за собой. И казалось, где-то неподалеку спрятался прежний Мегрэ-мальчишка, который глядел на них, с трудом удерживаясь, чтобы не прыснуть со смеху.

Ну разве это серьезно? Что делал этакий важный толстый господин в обстановке, столь непохожей на реальную, стоя за спиной Фелиси?

Расследование? Он занимался делом об убийстве? Он искал виновного? И при этом пели птички, зеленела первая травка, вокруг стояли похожие на игрушечные кирпичные домики, повсюду раскрывались свежие цветочки, и даже лук-порей на витрине напоминал букетики.

Да, он не раз потом вспоминал эту минуту, и не всегда с удовольствием. Долгие годы на набережной Орфевр у его коллег вошло в привычку весною, в такие вот погожие утренние часы, обращаться к нему всерьез, хотя и с некоторым оттенком иронии:

- Послушайте, Мегрэ...
- В чем дело?
- А Фелиси-то здесь!

И у него перед глазами тотчас возникала тоненькая фигурка в вычурной одежде, вздернутый носик, большие глаза, голубые, как незабудки, торчащая на

макушке сногшибательная красная шляпка, украшенная золотистым пером.

— *А Фелиси-то здесь!*

В ответ раздавалось ворчание. Коллеги прекрасно знали: Мегрэ ворчал, как медведь, всякий раз, когда произносилось имя Фелиси, которая доставила ему хлопот больше, чем все «отпетые», сосланные его стараниями на каторгу.

Но в то майское утро Фелиси действительно находилась рядом. Она стояла на пороге лавки Мелани Шошуа, бакалейные товары. Фелиси ожидала, пока комиссар очнется от своих грез.

Наконец он сделал шаг, точно возвращаясь в реальный мир, и вновь принялся за расследование дела об убийстве Жюля Лапи, по прозвищу Деревянная Нога.

Так же как и с раннего утра, Фелиси ожидала его вопросов, дерзкая, агрессивная, ироничная. За прилавком симпатичная коротышка Мелани Шошуа, сложив руки на толстом животике, во все глаза смотрела на странную пару — комиссара сыскальной полиции и служанку Деревянной Ноги.

Слегка попыхивая трубкой, Мегрэ осмотрелся, увидел коричневые ящики с консервными банками, потом через стекло витрины стал разглядывать еще не застроенную до конца улицу и недавно посаженные вдоль нее деревья. Наконец, вынув из жилетного кармана часы, вздохнул:

— Вы мне сказали, что вошли сюда в десять пятнадцать, не так ли? Каким образом вы сумели уточнить время?

Тонкие губы Фелиси растянулись в презрительной улыбке.

— Смотрите сами.

И когда он подошел к ней, она указала на комнату за лавкой, служившую Мелани Шошуа кухней. В полумраке виднелось плетеное кресло с красной подушкой, на котором, свернувшись клубком, лежала кошка, а как раз над ней стоял будильник. Стрелки его показывали 10 часов 17 минут.

А бакалейщица недоумевала, зачем эти люди явились к ней в лавку.

— Что же вы купили?

— Фунт масла... Дайте мне фунт масла, мадам Шошуа... Господин комиссар настаивает, чтобы я проделала все то же, что позавчера... Затем малосольного сыру, не так ли?.. Пойдите... Положите мне в сетку еще пакетик перца, банку помидоров и две котлеты.

Все было необычным в мире, где в то утро жил Мегрэ, и ему пришлось сделать усилие, чтобы убедить себя, что он не великан, который попал в городок, построенный из деталей игрушечного конструктора.

В нескольких километрах от Парижа он повернул в сторону от берегов Сены, в Пуасси, поднялся на холм и среди настоящих полей и фруктовых садов вдруг обнаружил обособленный мирок, о котором объявлял указатель на обочине вновь проложенной дороги: «Земельные участки Жанневиль».

Видимо, несколько лет назад здесь были такие же поля, луга и рощи, как повсюду. Но вот пришел какой-то делец, жену или любовницу которого, конечно, звали Жанной, откуда и пошло название родившегося здесь мирка.

Распланировали улицы, аллеи, обсаженные чахлыми деревьями, тонкие стволы которых укрыты от холода соломой.

Потом кое-где возникли виллы, особнячки. Это не походило ни на город, ни на деревню — обособленный мирок со свободным пространством между постройками, пустырями, изгородями, с газовыми фонарями, до смешного бесполезными на улицах, где еще нет ничего, кроме названий, обозначенных на голубых табличках.

«Моя мечта»... «Последняя гавань»... — каждый домишко уже имел свое название, выведенное с завитушками, а внизу виднелся Пуасси, серебряная лента Сены, где скользили вполне реальные баржи. Подальше, на равнине, стояли фермы и высилась колокольня Оржеваля.

А здесь правдоподобной была только старая бакалейщица Мелани Шошуа, которую застройщики откопали в соседнем городке и предоставили ей хорошую новую лавку, чтобы новый мир не остался без коммерции.

— А что еще, милочка?

— Пойдите!.. Что еще я брала в понедельник?

— Шпильки.

В лавке Мелани можно приобрести все — от зубных щеток и рисовой пудры до керосина и почтовых открыток.

— Кажется, больше ничего, правда?

Из лавки — Мегрэ это проверил — не видно ни домика Деревянной Ноги, ни улочки, которая огибала его сад.

— А молоко? — вдруг вспомнила Фелиси. — Я чуть не забыла про молоко. — И она с привычным уже высокомерным видом объяснила комиссару: — Вы меня настолько засыпали вопросами, что я забыла захватить с собой бидончик для молока. Во всяком случае, в понедельник я брала его с собой...

Голубой в белый горошек... Вы увидите его в кухне возле газовой плитки... Не правда ли, мадам Шошуа?

Всякий раз, когда Фелиси припоминала новую подробность, она делала это с надменностью жены Цезаря, которая выше подозрений.

— О чем мы с вами говорили в понедельник, мадам Шошуа? — добавила она.

Пусть ничто не будет забыто!

— Кажется, вы мне сказали, что у моего Зузу глисты: он все время заглатывает свою шерсть.

Речь, видимо, шла о коте, дремавшем на красной подушке в кресле.

— Погодите, милочка... Вы еще взяли, как всегда, «Киногазету» и роман за двадцать пять су.

В конце прилавка лежали бульварные романы в пестрых обложках, но Фелиси, не взглянув на них, пожала плечами.

— Сколько я вам должна?.. Поторопитесь... Комиссар настаивает, что все должно быть как в понедельник, а я у вас тогда долго не задерживалась.

Тут вмешался Мегрэ:

— Скажите, мадам Шошуа... Поскольку мы говорим о том, что было в понедельник утром... Вы не слышали, не проезжала ли здесь машина, пока вы обслуживали мадемуазель?

Бакалейщица задумалась, глядя сквозь витрину на залитую солнцем улицу.

— Не могу сказать... Пойдите?.. Тут их нечасто увидишь. Из лавки слышно только, как они мчатся по дороге. Какой это был день?.. Помню, за домом Себилей проехал маленький красный автомобиль, но в какой день — не знаю.

На всякий случай Мегрэ пометил в записной книжке: *«Красная машина Себилль»*.

И он снова очутился на улице вместе с Фелиси, которая шла, подпрыгивая, набросив пальто на плечи, словно старинный плащ: рукава развевались у нее за спиной.

— Сюда... Домой я всегда возвращаюсь кратчайшим путем.

Узкая тропинка петляла между огородами.

— По дороге вы никого не встретили? — спросил комиссар.

— Подождите. Сейчас увидите.

И он увидел. Фелиси оказалась права. Едва они вышли на новую улицу, навстречу им попался почтальон, поднимавшийся на велосипеде на холм. Он проехал мимо них и, обернувшись, крикнул:

— Вам ничего нет, мадемуазель Фелиси!

Она посмотрела на Мегрэ:

— В понедельник он видел меня здесь в тот же час. Так бывает почти каждое утро.

Они обогнули уродливый, оштукатуренный и выкрашенный в лазоревый цвет домик с палисадником и прошли вдоль живой изгороди. Фелиси толкнула калитку, задев развевающимся пальто кусты смородины.

— Ну вот, теперь мы в саду. Сейчас увидите беседку.

В десять часов без нескольких минут они покинули домик через другую дверь, выходящую в аллею. Чтобы дойти до лавки и вернуться обратно, они описали почти полный круг. Они прошли вдоль бордюра из гвоздики, которая вот-вот расцветет, и грядок с нежно-зеленым салатом.

— Он, видимо, находился здесь, — сообщила Фелиси, указав на туго натянутую веревку и тяпку, воткнутую в землю. — Он начал сажать помидоры.

Дошел до половины грядки. Когда я его тут не застала, то сразу подумала, что он решил выпить стаканчик розового.

— Он пил много вина?

— Только когда мучила жажда. Вы увидите на бочке в погребке его опрокинутый стакан.

Сад мелкого трудолюбивого рантье. Домик, в каком тысячи бедняков мечтают провести остаток дней. Из сада, залитого солнцем, они вступили в голубую тень примыкавшего к нему дворика. Направо — беседка из зелени. На столе в беседке графинчик с водой и маленькая рюмка с толстым дном.

— Значит, вы говорили утром, что ваш хозяин никогда не пил спиртного в одиночестве, особенно из этого графинчика.

Она смотрит на него с вызовом. Она все так же смотрит на него в упор чистыми голубыми глазами, чтобы он мог прочесть в них ее полную невинность.

Однако же она возражает:

— Это пил не мой хозяин.

— Знаю. Вы мне уже говорили.

Бог мой, как трудно иметь дело с такой особой, как Фелиси! Что она еще сказала своим резким голосом, который так действует Мегрэ на нервы? Ах да... Она сказала:

— Я не имею права выдавать чужие секреты. Может быть, в глазах некоторых я была просто служанкой. Но он относился ко мне не как к прислуге. В один прекрасный день все бы, конечно, узнали...

— Что узнали?

— Ничего.

— Вы намекаете, что были любовницей Деревянной Ноги?

— За кого вы меня принимаете?

Мегрэ рискнул:

— Ну так его дочерью?

— Бесплезно допытываться. Быть может, когда-нибудь...

Вот она, Фелиси! Жесткая, как гладильная доска, едкая, взбалмошная, с резкими чертами неумело напудренного и нарумяненного лица, маленькая служанка, мнящая себя принцессой на деревенском балу, но взгляд которой вдруг с тревогой устремляется в одну точку, а на губах мелькает отчужденная презрительная улыбка.

— Если он пил в одиночестве, это меня не касается.

Нет, старый Жюль Лапи по прозвищу Деревянная Нога пил не один. Мегрэ убежден в этом. Человек, работающий в своем саду, с соломенной шляпой на голове и в сабо на ногах, не бросит вдруг на половине посадку помидоров и не пойдет искать в буфете бутылку с водкой, чтобы одному распивать ее в беседке.

В то утро на столе, выкрашенном в зеленый цвет, стояла и вторая рюмка. Кто-то ее убрал. Может быть, Фелиси?

— Что вы сделали, не застав Лапи в саду?

— Ничего. Пошла в кухню, зажгла газ, поставила кипятить молоко и накачала воды, чтобы помыть овощи.

— А потом?

— Встала на старый стул и сменила липучку от мух.

— Не снимая шляпки с головы? Ведь вы всегда ходите за покупками в шляпке?

— Конечно. Я не какая-нибудь замарашка.

— Когда же вы ее сняли?

— Когда вскипело молоко. Я поднялась к себе наверх.

В доме, который старик окрестил «Мыс Горн», все новое и свежевыкрашенное. Лестница пахнет лакированным еловым деревом. Ступеньки трещат под ногами.

— Поднимайтесь, — говорит комиссар. — Я пойду следом за вами.

Она толкает дверь комнаты, где стоит кушетка, покрытая креатоном в цветочках, а на стенах висят фотографии киноактеров.

— Значит, так. Я снимаю шляпу. И вдруг вспоминаю: «Ах да! Забыла открыть окно у месье Жюлья». Иду через площадку. Открываю дверь и как вскрикну...

Мегрэ попыхивает трубкой, которую набил в саду свежим табаком. Он рассматривает на натертом полу контуры тела Деревянной Ноги, очерченные мелом в понедельник утром, когда его нашли здесь.

— А револьвер? — спрашивает он.

— Никакого револьвера не было. И вы это сами прекрасно знаете, раз читали полицейское донесение.

В комнате убитого над камином модель трехмачтовой шхуны. На стенах все картины изображают парусники. Мегрэ мог бы подумать, что находится в комнате бывшего моряка, если бы жандармский лейтенант, который вел расследование, не рассказал ему о забавных приключениях Деревянной Ноги.

Жюль Лапи никогда не был моряком. Он служил счетоводом в Фекане, в фирме, продававшей оснащение для морских судов: паруса, тросы, шкивы, а также продукты питания для долгих рейсов.

Закоренелый холостяк, мелочный до маниакальности, бесцветный, ограниченный. Брат его работает плотником на верфи.

Однажды утром Жюль Лапи — ему тогда было лет сорок — поднялся на борт «Святой Терезы», трехмачтового корабля, которому в тот же день предстояло сняться с якоря и отправиться в Чили за фосфатами. Лапи явился на судно с весьма прозаическим поручением — удостовериться, все ли товары доставлены, и потребовать у капитана оплаты.

Что же происходит? Моряки, жители Фекана, всегда подсмеивались над педантом-счетоводом, который выглядел испуганным всякий раз, поднимаясь по долгу службы на борт судна. Так произошло и в тот раз. С ним, по обычаю, чокнулись. Его заставили. Бог знает сколько ему пришлось выпить, чтобы так наклюкаться?

Как бы то ни было, во время прилива, когда «Святая Тереза» скользила между молами нормандского порта, выходя в открытое море, мертвецки пьяный Жюль Лапи храпел в углу трюма, а команда считала, что он давно уже на земле, — по крайней мере, все так утверждали.

Трюмы задраили. И только два дня спустя обнаружили счетовода. Капитан отказался повернуть обратно, уклониться от курса, и таким образом Жюль Лапи, у которого в то время были еще обе ноги, оказался на пути к мысу Горн.

Во время этого путешествия он лишился ноги: непогожим днем из-за качки упал в люк.

Несколько лет спустя, в понедельник, его убьют из револьвера через несколько минут после того, как он бросит сажать помидоры. А Фелиси тем временем будет делать покупки в новой лавке Мелани Шошуа.

— Спустимся, — вздохнул Мегрэ.

Дом — как игрушка, в нем спокойно и приятно из-за чистоты и вкусных запахов. Столовая, справа, превращена в покойницкую. Комиссар только приотворил дверь в нее. Ставни закрыты, и лишь тоненькие лучи света проникают в комнату. Гроб стоит на столе, покрытом сукном, а сбоку салатник, наполненный святой водой, и в ней плавает веточка самшита.

Фелиси ждет Мегрэ на пороге кухни.

— В общем, вы ничего не знаете, ничего не видели, не имеете ни малейшего представления о том, кого ваш хозяин... кого Жюль Лапи мог принимать в ваше отсутствие...

Она смотрит на него, не отвечая.

— И вы уверены, что, когда вернулись, на садовом столе стояла только одна рюмка?

— Я видела только одну. Но если вы видите две...

— У Лапи кто-нибудь бывал?

Мегрэ садится возле газовой плитки. Он охотно бы что-нибудь выпил, охотнее всего того розового вина, о котором ему говорила Фелиси. Вероятно, оно-то и хранится в бочке, виднеющейся в прохладной тени погреба. Солнце поднялось выше и малопомалу высушило осевший на оконных стеклах пар.

— Он не любил гостей.

Занятный человек. Его жизнь совершенно меняется после неожиданного путешествия к мысу Горн. Он возвращается в Фекан на деревянной ноге, и все охотно подсмеиваются над его приключениями. Он живет еще более замкнуто и начинает долгую тяжбу с владельцами «Святой Терезы». Он настаивает, что во всем виновата компания: он попал на корабль не по своей воле, и, следовательно, судовладельцы

несут полную ответственность за несчастный случай. Он очень высоко оценил свою потерянную ногу, но тяжбу выиграл. Суд присудил ему довольно большую пенсию.

Жители Фекана продолжают подсмеиваться над ним. Он решает уехать от земляков, а заодно расстаться с морем, которое ненавидит, и одним из первых соблазняется ширококвещательными проспектами создателей Жанневила.

Затем выписывает себе служанку — девушку из Фекана, которую знал еще ребенком.

— Сколько лет вы у него прожили?

— Семь.

— Сейчас вам двадцать четыре. Значит, вам было семнадцать, когда... — Мегрэ задумался и неожиданно спросил: — У вас есть любовник?

Она смотрит на него, не отвечая.

— Я вас спрашиваю, есть ли у вас любовник?

— Моя личная жизнь касается только меня.

— Вы принимали его здесь?

— Я не собираюсь вам отвечать.

Отхлестать бы ее по щекам! Минутами Мегрэ хочется залепить ей пощечину или потрясти за плечи.

— Ведь я все равно до всего докопаюсь.

— Ни до чего вы не докопаетесь.

— Ах так! Не докопаюсь...

Он останавливается. Это уже слишком глупо! Неужели он будет пререкаться с девчонкой?

— Вы уверены, что вам нечего мне сказать? Подумайте хорошенько, пока еще не поздно.

— Я уже обо всем подумала.

— Вы ничего от меня не скрываете?

— Это было бы трудно! Говорят, вы настолько хитры, что от вас ничего не скроешь.

- Ладно, увидим!
- Не то уже видели!
- Что вы собираетесь делать, когда сюда придут родственники и Деревянную Ногу похоронят?
- Не знаю.
- Вы думаете остаться здесь?
- Может быть.
- Надеетесь стать его наследницей?
- Весьма возможно.

Мегрэ никак не удается сохранить спокойствие.

— Во всяком случае, дитя мое, зарубите себе на носу: пока будет вестись следствие, я запрещаю вам отлучаться отсюда без разрешения полиции.

- Значит, я не имею права выйти из дому?
- Нет.
- А если мне захочется куда-нибудь сходить?
- Вы попросите у меня разрешения.
- Вы думаете, я его убила?
- Я думаю все, что мне нравится, и вас это не

касается.

С него достаточно. Он взбешен. Злится на себя, что доведен до такого состояния из-за какой-то Фелиси. Ей двадцать четыре? Да где там! Она ведет себя как двенадцати-тринадцатилетняя девчонка, выдумывает всякое и мнит о себе бог знает что.

- До свидания.
- До свидания.
- Кстати, что вы будете есть?
- За меня не беспокойтесь. Я не позволю себе умереть с голоду.

В этом он убежден. Он представляет себе, как, едва он уйдет, Фелиси сразу же усядется за кухонный стол и станет медленно есть что придется, читая при этом одну из тех книжонок, которые покупает у мадам Шошуа.

Мегрэ взбешен. Его околпачивают на глазах у всех, да еще кто? Эта язва Фелиси.

Наступает четверг. Приехали родственники Жюля Лапи: брат, Эрнест Лапи, плотник из Фекана, человек сурового вида, со стриженными бобриком волосами и лицом, обезображенным оспой, его толстая усатая жена, двое детей, которых она подталкивает перед собой, как гусят. Затем племянник, молодой человек девятнадцати лет, Жак Петийон, приехавший из Парижа, — у него нездоровый, лихорадочный вид, и весь клан Лапи недоверчиво на него поглядывает.

В Жанневиле нет кладбища. Кorteж направляется в Оржеваль, административный центр, к которому относится новый поселок. Черная креповая вуаль Фелиси вызывает большую сенсацию. Где она ее откопала? Только потом Мегрэ узнает — одолжила у Мелани Шошуа.

Фелиси не ждет, пока ей укажут место. Она становится в первом ряду и шествует впереди семьи, прямая, настоящая статуя скорби, все время прикладывая к глазам носовой платок с черной каймой, надутый дешевым одеколоном, который тоже, вероятно, приобретен в лавочке Мелани.

Мегрэ сопровождает бригадир Люка, прошедший ночь в Жанневиле. Оба они следуют за corteжем по пыльной дороге, а в ясном небе распевают жаворонки.

— Она что-то знает, это точно. Но какой бы хитрой она себя ни считала, в конце концов расколется.

Люка утвердительно кивает. Во время зауспокойной мессы двери маленькой церкви остаются открыты, и в ней пахнет скорее весной, чем ладаном. До вырытой могилы идти недалеко.

После похорон семья должна вернуться в дом покойного, чтобы заняться завещанием.

— С чего это мой брат стал бы оставлять завещание? — удивился Эрнест Лапи. — В нашей семье это не принято.

— Фелиси уверяет...

— Фелиси, Фелиси... Опять Фелиси...

Люди невольно пожимают плечами.

Но разве она не проталкивается вперед и первой не бросает лопату земли на гроб? А потом, вся в слезах, поспешно отходит и, кажется, вот-вот упадет...

— Не упускай ее из виду, Люка!

Она шагает, быстро сворачивает в какие-то переулки Оржеваля, и вот наконец Люка, следующий за ней на расстоянии каких-нибудь пятидесяти метров, попадает на пустынную улицу и видит, как вдали исчезает за поворотом грузовичок. Он опоздал.

Люка толкает дверь харчевни:

— Скажите, пожалуйста... Грузовичок, который только что отъехал... Знаете его?

— Да. Машина Луве, механика. Он только что здесь выпил кружку пива...

— Он никого не захватил с собой?

— Не знаю... Не думаю... Я не выходил.

— Вы не знаете, куда он поехал?

— В Париж, как обычно по четвергам.

Люка бросается на почту, которая, к счастью, оказывается напротив.

— Алло!.. Да... Это Люка... Поскорее... Грузовичок довольно потрепанный, уже повидавший виды... Подождите...

Он спрашивает у почтовой служащей:

— Вы не знаете номерного знака машины господина Луве, механика?

— Нет. Помню только, что он кончается на цифру восемь.

— Алло!.. Последняя цифра номера — восемь... Девушка в трауре... Алло!.. Не прерывайте... Нет... Вряд ли ее нужно задерживать... Просто последить за ней... Понятно? Комиссар позвонит сам.

На дороге из Оржеваля в Жанневиль Люка догоняет Мегрэ.

— Она исчезла.

— Что?

— Думаю, вскочила в грузовичок, когда тот уже трогался с места. Забежала за угол. Я звонил на набережную Орфевр. Сейчас поднимут на ноги людей. Предупредят на заставах.

Итак, Фелиси исчезла! Запросто, среди бела дня, как говорится, под носом у Мегрэ и его лучшего бригадира! Исчезла в огромной черной вуали, по которой ее можно узнать за километр.

Члены семьи, время от времени поворачивающие головы в сторону полицейских, удивлены, не видя Фелиси. Оказывается, она унесла с собой ключ от дома, и теперь приходится идти через сад. Мегрэ открывает жалюзи на окнах столовой. На столе еще лежит простыня и веточка самшита. В комнате по-прежнему пахнет свечой.

— Я чего-нибудь бы выпил, — вздыхает Эрнест Лапи. — Этьен, Жюли, не бегайте по грядкам... Где-то должно быть вино...

— В погребе, — сообщает Мегрэ.

Жена Лапи идет в лавку Мелани Шошуа купить детям пирожных, а заодно берет и для всех.

— Нет никакого основания думать, господин комиссар, что брат составил завещание. Я, конечно, знаю: он был оригинал. Жил, как медведь в берлоге, и мы с ним почти не виделись. Но что до этого, тут уж...

Мегрэ шарит в ящиках письменного стола, стоящего в углу. Он вынимает сначала связки тщательно сложенных счетов, а затем старьй, посеревший от времени бумажник, в котором лежит только желтый конверт:

Вскрыть после моей смерти

— Ну вот, господа, — говорит комиссар. — Я думаю, это как раз то, что мы ищем.

Я, нижеподписавшийся Жюль Лапи, в здравом уме и твердой памяти, в присутствии Эрнеста Форрантена и Франсуа Лепана, жителей Жанневиля в Оржевальской коммуне...

Голос Мегрэ становится все внушительнее.

— Фелиси оказалась права! — заключает он наконец, пробежав бумагу. — Ей оставлен в наследство дом и все к нему относящееся.

Семью словно громом сразило. Завещание содержит одну небольшую фразу, которую они забудут не скоро:

Принимая во внимание поведение моего брата и его жены после случившегося со мной несчастья...

— Я ему просто говорил, что смешно поднимать такой шум из-за... — пытается объяснить Эрнест Лапи.

Принимая во внимание поведение моего племянника Жака Петийона...

Молодой человек, приехавший из Парижа, напоминает двоюродного брата, присутствующего при раздаче наград.

Но все это пустяки! Важно, что наследница — Фелиси. А Фелиси, бог знает почему, куда-то исчезла.

ГЛАВА 2

Шестичасовое метро

Засунув руки в карманы, комиссар стоит в коридоре перед бамбуковой вешалкой, в центр которой вделано зеркало в форме ромба. Мегрэ видит себя в зеркале. Ну как тут не рассмеяться! Он похож на ребенка, которому чего-то захотелось, но он не осмеливается попросить. Однако Мегрэ не смеется. Он протягивает руку за широкополой соломенной шляпой, висящей на крючке, и надевает ее.

Вот здорово! У Деревянной Ноги голова была еще больше, чем у комиссара, а ведь Мегрэ зачастую приходится обходить много шляпных магазинов, пока удастся подобрать подходящую. Это заставляет его задуматься. С соломенной шляпой на голове он возвращается в столовую, чтобы снова посмотреть на фотографию Жюля Лапи, найденную в ящичке стола.

Однажды какой-то иностранный криминалист задал начальнику сыскной полиции вопрос относительно методов Мегрэ, на что тот ответил с загадочной улыбкой:

— Мегрэ? Что я могу вам сказать? Во время расследования он чувствует себя так же свободно, как дома в комнатных туфлях.

Сегодня комиссар чуть было не надел если уж не комнатные туфли, то, во всяком случае, сабо покойного. Вот они стоят здесь, направо от порога. Сразу видно: это их обычное место. Все здесь на своем месте, и, если бы не отсутствие Фелиси, Мегрэ мог бы подумать, что жизнь в доме идет своим чередом, а он сам и есть Жюль Лапи, который медленными шагами направляется к грядке, желая закончить недосаженный ряд помидоров.

Роскошный закат алеет за светлыми домиками Жанневила, которые виднеются из сада. Эрнест Лапи, брат покойного, предупредил, что будет ночевать в Пуасси, а семью отправил в Фекан. Остальные, соседи и несколько крестьян из Оржеваля, провожавшие гроб Лапи на кладбище, должно быть, уже возвратились домой или зашли пропустить стаканчик в харчевню «Золотой перстень».

Там же находится и бригадир Люка — ему Мегрэ поручил снести туда свой чемодан и держать телефонную связь с Парижем.

У Деревянной Ноги была крупная голова, квадратное лицо, густые брови, седая щетина на лице, которую он брил лишь раз в неделю. Он был скуп. Достаточно бросить взгляд на его счета — сразу становится понятно: он считал каждое су. Разве его брат не признался: «Разумеется, он был очень расчетлив...»

А когда один нормандец говорит о другом, что тот «расчетлив»...

На улице тепло. Небо становится почти фиолетовым. Из деревни порывами веет свежий ветерок, и Мегрэ, покуривая, замечает: он сам теперь ходит немного согнувшись, подражая походке Жюля Лапи. Направляясь к погребу, он даже начал привлекать левую ногу. Он отворачивает кран бочки с розовым вином, полощет стакан и наливает... В такой час Фелиси, должно быть, стряпала в кухне, и в сад доносился вкусный запах рагу... Не пора ли поливать грядки? Вон соседи уже поливают в своих садах... Понемногу сумерки обволакивают «Мыс Горн», где при жизни старика лампы разрешалось зажигать, только когда совсем стемнеет.

За что его убили? Мегрэ невольно думает, как в один прекрасный день он уйдет в отставку и у него будет домик в деревне, сад, широкополая соломенная шляпа.

Деревянную Ногу убили не ради грабежа. Ведь, по словам брата, у Жюля Лапи почти ничего не было, кроме его знаменитой ренты. Нашли сберегательную книжку, конверт с двумя тысячами франков и несколько облигаций парижского муниципалитета. Нашли также его золотые часы.

Ну что ж! Нужно искать дальше. Нужно как следует влезть в шкуру бедняги. Он был хмурый, ворчливый, неразговорчивый, придирчивый. Настоящий отшельник. Малейшее нарушение привычного режима приводило его в ярость. Ему никогда и в голову не приходило жениться, обзавестись детьми, и никто не слышал, чтобы он завел какую-нибудь интрижку.

Что же имела в виду Фелиси? Нет, это невозможно. Фелиси лжет. Солгать ей ничего не стоит. Или, скорее, она хочет выдать желаемое за действительное. Для нее слишком просто, слишком банально быть служанкой старика. Она предпочитает намекнуть: уж если он вызвал ее к себе...

Мегрэ подходит к окну кухни. Каковы были отношения между этими двумя людьми, жившими в таком уединении? Он думает, пожалуй, он даже уверен: они жили как кошка с собакой.

И вдруг Мегрэ вздрагивает. Он только что вышел из погреба, где выпил второй стакан вина. Сумерки уже сгустились. Он стоит с соломенной шляпой на голове и на мгновение сомневается, не снится ли ему это. Сквозь тюлевые занавески он видит, как

в кухне зажглась электрическая лампочка, видит поблескивающие на крашенных стенах кастрюли, слышит, как вспыхнул газ в горелке. Он смотрит на часы. Без десяти восемь...

Тут он толкает дверь и видит Фелиси, которая уже успела повесить на вешалку шляпу и вуаль и теперь ставит на газ кофейник.

— А! Вы вернулись?

Она даже не вздрогнула, лишь оглядела его с ног до головы и не сводит глаз с соломенной шляпы, о которой Мегрэ уже забыл.

Он садится. Наверное, он сел на место старика, у окна, и, пока он усаживается, вытягивая ноги, Фелиси хлопочет по хозяйству, словно его здесь нет, накрывает для себя, достает из стенового шкафа масло, хлеб, колбасу.

— Скажите мне, детка...

— Я вам не детка.

— Скажите, Фелиси...

— Вы могли бы называть меня мадемуазель.

Боже мой! Какая она все-таки колючая, нелюбезная. Мегрэ охватывает раздражение, подобное тому, какое испытываешь, когда хочешь поймать маленькое животное, ящерицу или ужа, а оно беспрестанно проскальзывает между пальцами. Ему трудно принимать Фелиси всерьез, а все-таки приходится. Он чувствует: лишь от нее, и только от нее, он может узнать правду.

— Ведь я просил вас не отлучаться из дома...

Она смотрит на него с подчеркнуто-самодовольной улыбкой, словно говорит: «А я взяла и ушла! Вот видите!»

— Могу я узнать, зачем вы поехали в Париж?

— Да просто погулять.

— Правда? Учтите, скоро я буду знать все, что вы там делали, во всех подробностях.

— Знаю. Ваш дурень не отставал от меня ни на шаг.

— Какой дурень?

— Высокий, рыжий. Ему пришлось шесть раз пересаживаться в метро вслед за мной.

Наверное, инспектор Жанвье. Видимо, он установил за ней слежку, как только грузовичок механика подъехал к заставе Майо.

— С кем вы хотели встретиться в Париже?

— Ни с кем.

Она садится ужинать. Более того, кладет перед собой какой-то бульварный роман, где страница заложена ножом, и спокойно принимается читать.

— Скажите мне, Фелиси...

У нее козий лоб. Вот что поразило комиссара, когда он ее увидел в первый раз. Теперь он осознал это. Высокий упрямый лоб, как у козы, которая безрассудно бросается на любое появившееся перед ней препятствие.

— Вы собираетесь одна провести ночь в этом доме?

— Разве вы собираетесь здесь остаться?

Она ест, читает, а он скрывает свою досаду под ироническим выражением лица, которое хотел бы выдать за отеческое.

— Сегодня утром вы мне сказали, будто уверены в том, что получите наследство.

— Ну и что!

— Откуда вы это знали?

— Знала, и все тут.

Она приготовила себе кофе, наливает чашку и пьет. Чувствуется, она любит кофе, смакует каждый глоток, но не предлагает собеседнику.

— Я навещу вас завтра.

— Как вам угодно.

— Надеюсь, за это время вы подумаете...

Она вызывающе смотрит на него светлыми глазами, в которых ничего нельзя прочесть, и, пожимая плечами, бросает:

— О чем?

Почти у дверей «Мыса Горн» Мегрэ сталкивается с Жанвье, который довел слежку до Жанневиля. Огонек его сигареты светится в темноте. Тишина. Сияют звезды. Квакают лягушки.

— Я узнал ее сразу, шеф, по приметам, которые Люка сообщил по телефону. Когда грузовичок поравнялся с заставой, девица сидела рядом с механиком, их можно было принять за дружную супружескую пару. Она вышла, поднялась пешком по авеню Великой Армии, по пути разглядывая витрины. На углу улицы Виллара-де-Жуайез зашла в кондитерскую, съела полдюжины пирожных с кремом и выпила портвейна.

— Она тебя засекала.

— Не думаю.

— А я знаю.

Жанвье смущен.

— Потом она вошла в метро, купила билет второго класса. Мы сначала сделали пересадку на площади Согласия, потом вторую — на вокзале Сен-Лазар. Поезда шли почти пустые. Она усаживалась, доставала из сумки бульварный роман и принималась читать. Мы сделали пять пересадок.

- Она ни с кем не разговаривала?
- Ни с кем. Мало-помалу пассажиров стало прибывать. А в шесть, когда закрываются магазины и конторы, началась давка. Вы же знаете: час пик...
- Продолжай.
- На станции Терн нас зажало в толпе на расстоянии метра друг от друга. В эту минуту, признаюсь, я понял, что она меня заметила. Она на меня посмотрела, и мне показалось, шеф... Как бы это сказать?.. На несколько секунд лицо ее изменилось. Она словно испугалась. Уверен, на мгновение она испугалась либо меня, либо чего-то другого. Но это длилось лишь несколько секунд, и вдруг она снова заработала локтями, выбираясь из толпы.
- Ты уверен, что она ни с кем не разговаривала?
- Уверен. На платформе она подождала, пока поезд уйдет, и пристально смотрела на битком набитый вагон.
- Тебе не показалось, что она интересуется кем-то определенным?
- Пожалуй, нет. Я только заметил, что лицо ее стало не таким напряженным, а когда поезд скрылся в тоннеле, она не могла удержаться и бросила на меня торжествующий взгляд. Потом сразу же вышла на улицу. Сначала, видно, даже не поняла, где находится. Зашла выпить аперитив в бистро на углу авеню Берн, потом посмотрела железнодорожное расписание, села в такси и поехала на вокзал Сен-Лазар. Вот и все. Я сел в тот же поезд, доехал вместе с ней до Пуасси, а потом мы, один за другим, поднялись на холм.
- Тебе хоть удалось перекусить?
- На вокзале съел наспех сэндвич.
- Оставайся здесь и дождись Люка.

Мегрэ идет мимо участков Жанневиля. Только кое-где в окнах горят розоватые огоньки. Вскоре он приходит в Оржеваль, в «Золотой перстень», где его ждет Люка. Бригадир сидит не один, а с парнем в синем комбинезоне. Не иначе как механик Луве. Он очень разговорчив, что и понятно. Перед ним стоит уже несколько блюдечек¹.

— Мой начальник, комиссар Мегрэ, — представляет комиссара Люка, от которого тоже попахивает спиртным.

— Я уже говорил бригадиру, господин комиссар, что даже ни о чем не подозревал, когда сел в машину. Я каждый четверг езжу в Париж за запасными частями...

— Всегда в одно и то же время?

— Примерно...

— Фелиси это знала?

— По правде сказать, я был с ней едва знаком. Никогда не разговаривал. Зато я хорошо знал Деревянную Ногу. Он приходил сюда каждый вечер поиграть в карты с Форрантенем и Лепапом. Четвертым иногда садился хозяин, иногда я или кто-нибудь другой. Смотрите! Форрантен и Лепап сейчас здесь, вон они там играют в левом углу с мэром и каменщиком.

— Когда вы обнаружили, что в вашей машине кто-то сидит?

— Не доезжая Сен-Жермена. Я услышал, как кто-то вздохнул. Подумал, ветер. Ветерок и в самом деле поднимал края брезентового верха. И вдруг чей-то голос говорит мне:

¹ Во Франции некоторые напитки подаются в рюмках на блюдечке, и по количеству блюдечек производится расчет.

— У вас не найдется огонька?

Я оборачиваюсь и вижу ее: она откинула вуаль, в зубах сигарета.

— Что вы здесь делаете? — спрашиваю я.

И вот она говорит, говорит. Рассказывает, как ей необходимо попасть в Париж, не теряя ни минуты. Это, мол, вопрос жизни и смерти. Те, кто убил Деревянную Ногу, хотят свалить вину на нее, а полиция ничего в этом деле не смыслит. Я остановился на минуту и предложил ей сесть рядом со мной: ведь она устроилась на старом грязном ящике.

— Потом, потом, — все повторяла она, — когда я выполню задачу, которую должна выполнить, быть может, я расскажу вам все. Во всяком случае, я буду вам вечно благодарна, вы меня спасли.

Уже у заставы она меня еще раз поблагодарила и вышла с достоинством, как принцесса.

Люка и Мегрэ переглянулись.

— А теперь, если не возражаете, можно выпить в последний раз, в самый-самый последний. Нет, теперь я плачу за всех и пойду перекусить. Надеюсь, у меня в связи с этим не будет никаких неприятностей? Ваше здоровье!..

Десять вечера. Люка занял пост, спрятавшись напротив «Мыса Горн» и сменив Жанвье, который вернулся в Париж. В зале «Золотого перстня» серо от дыма. Мегрэ слишком много съел и пьет теперь не то третью, не то четвертую рюмку местной водки.

Он сидит верхом на стуле с соломенным сиденьем, упершись локтями в спинку, полузакрыв глаза, и порой может показаться, будто он дремлет. Из трубки его прямо вверх поднимается легкая струйка дыма. Возле него четверо мужчин играют в карты.

Раскладывая сальные карты на красной скатерти, они разговаривают, задают друг другу вопросы, иногда рассказывают анекдоты. Хозяин кафе, месье Жозеф, играет вместо старого Лапи, а четвертым присаживается механик, который успел поужинать.

— В общем, — вздыхает Мегрэ, — он жил припеваючи. Вроде как почтенный деревенский кюре со своей служанкой. Наверное, заставлял себя нежить и холить.

Лепап, заместитель мэра Оржеваля, бросает взгляд на других. Его партнер, Форрантен, управляющий земельными участками в поселке, занимает здесь самый красивый дом у дороги, возле большого стенда, который возвещает проезжающим, что в Жанневиле еще продаются свободные участки.

— Кюре и его служанка! Ха! Ха! — ухмыляется помощник мэра.

Форрантен ограничивается ехидной улыбкой.

— Ну вот! Сразу видно, не знали вы его, — поясняет хозяин быстро, одновременно объявляя терцию в белот. — Хоть о мертвых плохо не говорят, все-таки он был порядочной свиньей.

— Как это понимать? — спрашивает комиссар.

— Ворчал с утра до вечера по всякому поводу. Никогда ничем не был доволен. Возьмем, к примеру, историю с рюмками. — Хозяин призывает партнеров в свидетели. — Помните, сначала он стал утверждать, мол, у моих ликерных рюмок слишком толстое дно, и сам достал с верхней полки буфета другую рюмку из уже разбитого комплекта, которая ему больше понравилась. А когда стал переливать вино из одной рюмки в другую — взбесился, обнаружив, что вместимость их совершенно одинаковая.

— Но вы же сами выбрали эту рюмку, — сказал я ему.

СОДЕРЖАНИЕ

А ФЕЛИСИ-ТО ЗДЕСЬ!

Перевод Н. Брандис и А. Тетеревниковой 5

МЕГРЭ И БРОДЯГА. *Перевод М. Таймановой* 141

МЕГРЭ КОЛЕБЛЕТСЯ

Перевод Н. Брандис и Э. Шрайбер 279